

А **Б** **В** **Г** **Д** **Е** **Ж** **З** **И** **Й** **К** **Л** **М** **Н** **О** **П** **Р** **С** **Т** **У** **Ф** **Х** **Ц** **Ч** **Ш** **Щ** **Ъ** **Ы** **Ь** **Э** **Ю** **Я**

Ы ЧАСТО говорим о прелюбительности, «малогабаритных» романов перед порой даже видим в них своего рода знаменитые времена. Краткость прекрасна всегда, прекрасна она и в романе — коль скоро, конечно, разуметь под ней лаконизм, способность к яркой выразительности. И все-таки что ни тот или иной роман современного автора, роман, где судьбы героев описываются исподволь, не спеша, где действие широко развернуто в пространстве и времени. Конечно (не пренебрежем отговоркой и в этом случае), если это роман талантливый, по-настоящему добротный.

«Вечный зов» Анатолия Иванова — именно такой роман. Уверен, что многие и многие читатели с нетерпением ожидали очередных номеров «Москвы», где он публиковался на протяжении целых четырех месяцев, а теперь внимательно будут следить за сообщениями о сроках появления второй книги романа: ведь то с чем познакомил нас автор сейчас, — это еще только книга первая.

Анатолий Иванов — писатель драматического, остро социального склада. Эти качества его дарования отчетливо проявились в предыдущих произведениях — романах «Повитель» и «Гени нечезают в подполье», они сполна дают себя знать и в «Вечном зове». А. Иванов не избегает тяжелых, порой жестоких коллизий, напротив, он идет навстречу им с охотой, даже с жадностью, а главное, с уверенностью в том, что сумеет воплотить их драматизм, их внутреннюю логику. Он любит изображать сильные характеры, и сила, употребленная не на добро, а во зло, разоблачается в его книгах сурово и непримиримо.

Предыдущие романы А. Иванова, при всей социальной весомости их содержания, были романами, если можно так сказать, локальными: в центре «Повителя» — семья Бородиных, на трех поколениях которой писатель прослеживает губительное, развращающее воздействие язвы собственничества, в «Теньях» — художественное исследование античеловеческой сущности религиозного фанатизма. Разумеется, в этих произведениях уделено немало внимания и людям, борющимся с бесчеловечностью, представляющим главные, светлые начала нашей жизни. Но широкой картины действительности оба романа не дают, они и не

красным бойцом. Но в стане красных он оказался, в сущности, случайно. Роль человека при Кафтанове, на которую был определен младший брат Иван, на самом деле предназначалась ему Федор, собравшему и успев побывать в этой роли, ревностно служа Кафтанову в качестве доверенного на знаменитой в тех местах Огневской заимке, где купец устроил своей женьитбе на Анне — дочери Кафтанова, крепко подумывая о богатстве, да и потом вышел из доверия, да к тому же был оскорблен Кафтановым. А еще через некоторое время — революция. От мечты о купеческих деньгах и вовсе ничего не осталось.

Осталось другое: неудовлетворенность своей судьбой. Конечно, время и обстоятельства многое изменили в Федоре, он — комбайнер, он добросовестен в работе. Но навсегда, навсегда, засела в нем угрюмость, душевная черствость. Он неприязненно относится к Анне — может быть, потому, что по-настоящему, сильно не любил ее, женился, уступая ее любви и преданности, а может быть, и потому, что через Анну больно отзывался о прошлом. Он не ищет душевного сокращения с детьми. И он ненавидит Ивана — вот здесь-то, бесспорно, давняя волю своему «кафтановскому» комбайнеру, подчиняясь зачастую неосознанному, да же, но крепко засевшему в нем сомнению, о несбывшемся богатстве.

А Иван? Перенесший многие испытания, назимый сознанием собственной вины, больнее, чем судом, Иван проходит благозвонный путь переделки своей психологии, своего миропонимания. Иван здесь в стремлении быть полезным людям, сплестись с ними в их трудах, устроиться новой жизни, и это стремление тем понятнее, что семья его — жена Агата, дети — целиком живут уже по этим новым законам, ощущая потребность обществу, колхоза.

Судьбы Федора и Ивана — это, конечно, судьбы сугубо индивидуальные. Для основного большинства людей, участников социальных столкновений времён гражданской войны, вопрос об их

А. Ивановым в переплетении неоднородных фактов и обстоятельности. Еще далеко, очень далеко до всеобщего благолетствия, еще многое осложняет жизнь людей. Но в нее вошло нечто, чему не дано оказываться побежденным — отныне и на века: чувство познаний социальной справедливости. Оно и в гордо поднятой голове Семёна Савельева, сына Федора и Анны, юноши, для которого нормы нравственности, воспитанные советским обществом, — единственно возможная форма восприятия мира. Оно и в мудрости председателя колхоза, бывшего партизана Панкратя Назарова, который твердо убежден, что путь подьема хозяйства неразрывно связан с благополучием каждого труженика. Оно — в самоотверженности, с какой возводятся в степи помещения для пехов оборонного завода, в труде людей, презирающих холод и голод, — труде, о котором уже тогда, в первую военную осень, секретарь обкома Суботин имел основания сказать, что благодаря ему «мы выиграли войну».

Анатолий Иванов сделал в своем новом романе серьезный шаг вперед в изображении положительных героев. Некоторые из них (Кружинин, Семен) поставлены в самый центр повествования, нарисованы тщательно, подробно, другие очерчены более белло, но во многом выразительно (Суботин, инженер Хохлов). Иной раз, правда, автор явно ограничивает нас в общении с такого рода людьми. Например, с тем же председателем колхоза Назаровым, Сленя,

человеческие качества. А об этом автор не рассказывает, упуская весьма плодотворную возможность для углубления повествования.

Вообще надо сказать, что в романе А. Иванова, в целом глубоком и интересном, можно насчитать не так уж мало упущенных возможностей. Порой роман так как бы не доверяет себе. Он в полной мере владеет искусством психологического анализа, — а сбивается вдруг на отписочные характеристики. Он умеет точно, выразительно строить сюжетные перипетии, — а иной раз позволяет разрастись необязательным, сугубо второстепенным эпизодам.

Искусство А. Иванова-психолога проявляется во многих линиях, во многих сценах романа. Как ярко, например, изображено душевное состояние Федора в дни, когда семья Савельевых укрывает бежавшего из царской тюрьмы Антона. Федор страстно желает, чтобы брат не наши. Не только потому, что это брат, а главное, из страха потерять доверие Кафтанова, которому служит. Найдут Антона — конец всем мечтам: «тогда-то уж точно будет известно, что знал я про Антона». Не найдут, «уберется Антон» — и подозрения забудутся. Федор и о мужестве отца думает с тем же потребительским оттенком: «...еще обобдет, может. Батяка — тот, режь, не скажет...» А ко всему этому добавляется и разгорающаяся ненависть к Кафтанову — нет, не оттого, что тот мироед, а оттого, что заподозрил Федора, начал не доверять ему, и тоска от мысли, что кончается его, Федора, привольная жизнь на Огневской заимке: «Если бы не Антон... ведь дом лопыхал окнами, гремели бы песни... хохот...»

Подобных глубоких, емких проникновенных в душу героев много в романе. И тем более обидно встретить в нем нечто не значащие «пояснения» того, что уже изображено («Вера слушала, все больше изумляясь открывшимся ей сложным, непонятным глубинам человеческих отношений»), или скоротворенные формулировки вместо анализа («И ушла, оставив у Наташи светлое чувство»), или фразы такого рода: «в глазах появился жуткий огонь», «дким зором обела комнату», «разыгралась жуткая человеческая трагедия» и т. д. Для А. Иванова, романиста, знающего секрет художественной выразительности, обращение к стертым словам, к банальным заменителям непросто.

НА ПЕРЕЛОМЕ

читая журналы

ИСТОРИКИ

Такую широкую картину — впереве в своем творчестве — Роман рисует в новом произведении. В нем — изображение жизни сибирской деревни на протяжении десятилетий и индивидуальности общественных проявлений и индивидуальных судеб. Пролог романа уводит в начало века: большевистское подполье, застенки царской охраны в Новоиколаевске, а конец первой книги отнесен к времени войны с фашистскими захватчиками. Автор резко смещает временные планы действия, свободно чередует социальные сферы изображения: купеческий быт и заботы колхозных земледельцев, боевые дни партизанского отряда, сражающегося против колачакцев, и детство тех, кто родился уже после революции, кабинет секретаря Новосибирского обкома партии и строительная площадка завода, эвакуированного с временно оккупированной советской земли. Наряду на историческом переднем, в эпоху громадных социальных сдвигов — воем, в сущности, предмет, занимающий романиста, и, освещая его, он проследит за множеством человеческих судеб, ярких и заурядных, прямых и извилистых, проследивает сказавшиеся в них связи между общим и частным.

Так возникает в романе мысль о революции как о великой очистительной силе, помогающей освобождению человека в человеке. Прячем, А. Иванов и склонности к драматизму, А. Иванов здесь не отказывается от возможности максимально заострить коллизии, прибегнуть к доказательству от обратного. И в этом смысле весьма показательна история отношений братьев Федора и Ивана Самельевых — одних из главных героев романа.

Круто разошлись пути братьев. Федор храбро воевал в партизанском отряде большевика Кружилкина. Иван входил в банду Кафтанова, купца, злобно вставшего Советской власти, состоял при нем в качестве охранника. Став свидетелем особенно зверского преступления Кафтанова, Иван убивает его, следует красным. За службу у белых он понес наказание, определенное законом, казнен. Но сразу же, много понимая в жизни. Не сразу, со временем, но доброту к нему обнаружил Федор по-прежнему враждебен к Ивану — враждебен так же, как в годы войны они противостояли друг другу с оружием в руках.

Что это — особо твердая, пусть и приполюбойная идея, неприимиримости? Или, быть может, просто человеческая слабость — ревность, поскольку Иван был безответно влюблен в Анну, ставшую женой Федора?

Ни то и ни другое. Постепенно черта за чертой раскрывает А. Иванов характеры обоих братьев, условия, в которых они формировались. Неомысленно и глубоко поучительная — картина, открывающаяся перед читателем. Да, Федор был

месте в борьбе решался куда да закономернее. Но искусство впривале заниматься исследованием и тек судьбы, которые вытекают из общей колел, и, как известно, повторности подобного исследования блестяще доказана опытом советской литературы классики. Анастол Иванов, бесспорно, использует в своем романе этот опыт. Рисуя коллизии необычные, особенные, писатель получает возможность рельефнее проявить волнующую его мысль о глубокой гуманности революции, требующей от человека чистых помыслов и чистых рук.

Чужд революции Федор, если он способен, пусть даже и в пылу боя, тянуть шашку к десятилетнему сыну белогвардейского полковника Зубова, лишь чудом не совершив бессмысленно жестокого убийства. Чужд революции Полнов — не только тогда, когда творил прямое преступление (так и оставшейся пока нераскрытым), выдавая партию охранке подпольщиков, но и тогда, когда, став на время руководителем района, пренебрег нуждами колхозов, довел их до разорения. Чужды революции силы, культивировавшие с середины тридцатых годов настроения недоленинские нормы законности. В романе рассказано о душевных терзаниях Якова Алексеевича, с рвением выполнявшего работу по выявлению «врагов» во всем районе и пришедшего в конце концов к великим сомнениям в справедливости совершавшегося, и о мужестве секретаря Шантарского райкома партии Кружилкина, до последней возможности стремившегося ограничить незаконные действия, воспрепятствовать выходу органов внутренних дел из-под контроля партии.

Да с лишним десятилетия сибирской деревни, прошедшие от Октября и до Великой Отечественной войны, рисунок

где действует Назаров, возвращают о нем как о натуре незаурядной, человеке решительном, умном. Но, во первых, таких людей просто мало, а во-вторых, нам хотелось бы не только следовать за поступками Назарова, за поступками его

в той или иной ситуации, но и заглянуть в мир его мысли, увидеть его наедине с самим собой. Право, персонаж стоит этого.

И уже совсем беспорядный ущерб наносит А. Иванов своему роману, не раскрывая в полной мере образ третьего и старшего из братьев Самельевых — Антона. В начале повествования подробно и интересно рассказано о том, как складывался характер Антона, как совсем еще подростком пришел он в подполье к большевикам, самоотверженно участвовал в их борьбе. Антон наделен обаянием, широкой душой, чувством прекрасного. Достоинным — поистине символическим — завершением жизни Антона Самельева становится его героическая гибель, о которой рассказано в конце первой книги романа: большевик, человек-факед, он и стогает живо, отключая электрический ток во время авиарейсов и спасая тем самым людей и крайне важное для дела обороны производство... Жизнь Антона могла

стать — и должна была бы стать — одной из узловых линий романа, в ней есть разный причин, не было в жизни Федора и Ивана. Однако Антон исчезает из поля зрения читателя в 1918 году и появляется вновь лишь с началом войны, приезжая в Шантару в качестве директора эвакуированного завода. Конечно, в романе изображены Шантара, да близкая к ней деревня Михайловка, да еще отчасти Новосибирск, а Антона судьба забросила далеко от этих мест. Но все же хорошо было бы знать, какие заботы и трудности волновали этого героя в прошедшие годы, как проявились его

повествования. Возникают повторы, повторы являются проходные эпизоды. Вероятно, и побег школьника Андрейки на фронт, и этностические метания Веры Иготиной, стремящейся составить себе «выгодную партию», автору необходимо было изобразить; этим персонажам, как и ряду других, судя по всему, предстоит активная жизнь во второй книге. Однако, думается, им уделено все же излишне много внимания. Как, впрочем, и Аннеке Елизарову (напрямую, подробно рассказано о том, как просился комбайнер Анней в милицию — неры и как стал им, хотя вот здесь-то читатель как раз мог вполне удовлетвориться информацией: Анней не играет в повествовании преступного мира — сыну Кафтанова, сыну Зубова. Роль последних в романе вообще пока не ясна. Вероятно, А. Иванов хочет подчеркнуть мысль о цепкости прошлого, наминающего о себе. Но поступки этих персонажей пока что мало связаны с существом происходящих событий: жители Шантары и Михайловки существуют сами по себе, а Макара Кафтанов и Петру Зубов, периодически сальющиеся в тюрьму за кражи, — сами по себе. Кстати сказать, в уста Зубова вложены слова о гордости, о том, что «человек никогда не должен становиться на колени». Звучит это странно. Но, может быть, автор задумал эволюцию Зубова и готовит нас к ней? Во всяком случае, здесь многое должно еще проясниться.

Надо полагать, А. Иванов сумеет углубить образ Наташи Мироновой; появившись внезапно в конце первой книги, она не успела получить достаточно выразительных красок, возвышенность, экзальтированность ее не имеет порой крепкой психологической основы...

Анастол Иванов только еще строит здание своего романа. Концепцию его, характеристику персонажей должна существенно дополнить и прояснить вторая книга. Однако уже сейчас очевидно, что писатель затронул важные стороны сложным проблемам народной жизни глубоко.

Вечный зов — это, по роману, зов к жизни, который заставляет задуматься над сутью бытия, это квинтэссенция стремления найти среди людей свое человеческое место. Думается, успех романа А. Иванова будет тем несомненнее, чем ярче и определеннее покажет писатель социальную конкретность, которая воплощает в себе этот «вечный зов», в извечный зов.

М. СИНЕЛЬНИ